

О.М. Младенова

РУС. ХОДЯ

Представленное в новейшей лексикографии как устаревшее и просторечное¹ существительное мужского рода *ходя* ‘прозвище китайца, китайцев’ употребляется в русской литературе первой половины XX в., а также в более поздних произведениях, чаще всего посвященных событиям начала XX в. Наиболее ранние известные мне употребления можно найти у П.А. Бляхина (“Красные дьяволята”, 1921), М.А. Булгакова (“Китайская история”, 1923), И.Э. Бабеля (“Ходя”, 1923) и Артема Веселого (“Вольница”, 1925). В настоящее время некоторые носители русского языка утверждают, что им это слово не попадалось², однако, оно встречается и в недавних произведениях, описывающих постсоветскую жизнь, таких, как рассказ Сергея Прокопьева “Ходя”³. Слово может употребляться как кличка отдельной личности, как, например, в рассказе И. Грековой “Фазан” (НКРЯ) и в воспоминаниях И.М. Метгера “Автобиография. Родословная”⁴. Чаще же оно используется как этноним с отрицательной коннотацией, ср. *В ходу была частушка: “Нынче Ходи стали в моде, можно Ходю полюбить. А у Ходи денег много, можно лавочку открыть”*. *И действительно, русские женщины охотно выходили за них замуж, по городу бегало множество узкоглазых полукитайчат. В конце 20-х, со свертыванием НЭПа, китайцы вернулись на родину, оставив русских жен. Где сейчас многочисленные потомки тех смешанных браков?* (Наталья Позднякова, “Екатеринбург, начало 20-х”). Во многих примерах слово *ходя* выполняет функцию обращения: *Кубанец повернулся к китайцу, тревожно бегая глазами, сказал: – Ты, ходя, мала-мала иди с дядей, с оцим дядькой, – он указал пальцем на хозяина. – Иди с ним – он сена коням даст...* (НКРЯ: М.А. Шолохов, “Тихий Дон”, вторая часть). *Центром внимания оказался молодой китаец с буденовкой на голове, который старался выбраться из толпы. – Ходя! Ходя! Косолапый ходя! – кричали озорники, дергая его за полу длинной шинели. А когда китаец поворачивался, чтобы схватить обидчика, они с хохотом отскакивали прочь* (П.А. Бляхин, “Красные дьяволята”). *В другом углу, под портретом какого-то китайского генерала, сидели еще двое гостей-русских. {...} – Эй, ходя, хозяин, поди сюда! – позвал один из русских. Это был господин Кукин с Полтавской. {...} – Наша*

хочу с тобой мало-мало водка пить, наша угощает. – Он показал на бутылку смирновской. – Спасибо, – вежливо ответил Ван. – Только не калечьте, господа, напрасно русский язык. Я его хорошо знаю (К.С. Бадигин, “Секрет государственной важности”). Малиновский уже подхватил два чемодана и деловито прикрикнул на японца. – **Ходя-ходя**, твоя за мной носи! (Б. Акунин, “Смерть Ахиллеса”). Прозвище *ходя* могут употребить и по отношению к японцу (как у Акунина), к калмыку (как у Шолохова, “Тихий Дон”, книга четвертая), к монголу (как у Асара Эппеля, “Вы у меня второй”) или к человеку иной национальности с азиатскими чертами лица. Более того, слово может быть использовано метонимически для обозначения какой-либо связанной с Китаем реалии, например: *Поезд Москва–Пекин, прозванный в народе Ходя, возил из Китая китайцев с ширпотребом. В поезде товары были дешевле и дорожали по мере удаления от железной дороги. В этом и был сермяжный смысл международного бизнеса* (Сергей Прокопьев, “Ходя”). В некоторых случаях из контекста становится ясно, что китайцы, к которым так обращаются, находят само обращение и/или элементы русско-китайского пиджина, сопровождающие его⁵, оскорбительными, ср. *Под большой лисьей шапкой – желтое лицо с узкими черными глазками. “Китаец”, – сразу определил Плющ и обратился к нему: – Здравствуй, ходя. – Ходя теперса нета, руска китайса тепериса товариса, – рассердился китаец. Жорж сразу смекнул, что дал маху. – Ладно, брат-товарищ, не сердись. Это так я, по старой привычке* (В.В. Денисов, “В час по Гринвичу”). – *Вот что, ходя, – утерев губы надушенным платком, сказал Соломаха, – если хочешь заработать... <...> – Называйте меня, пожалуйста, “господин Ван”, без клички, – не вытерпел хозяин* (К.С. Бадигин, “Секрет государственной важности”). Иногда китайцев, видимо, намеренно дразнили дразнилками: *Ходя, ходя лайла. / Штаны потеряйла, / Моя нашола, / Тебе не давайла “Китаец, китаец, иди сюда. / [Ты] штаны потерял, / Я нашел, / Тебе не отдал”*⁶ или *Ходя, соли надо?* Ср. *Даже некоторые порядочные люди <...> при встрече с китайцем вместо “здравствуй” говорят ему: “Ходя, соли надо?”. А когда китаец отвечает: “Русский, свобода надо?” – возмущаются, будто он не вправе иметь свое суждение и отвечать на оскорбление* (Григорий Климович, “Конец Гурлага”). *Китайские торговцы жили по всему городу и, как правило, имели лавку при доме. Кроме игрушек продавали крупу, сахар, чай. С покупателями были предельно вежливыми, низко им кланялись, всячески выслуживались. Охот-*

но давали товар в долг, скрупулезно учитывая приход и расход. Уличные мальчишки дразнили их: “Ходя, соли надо?” Наверное это было очень обидно, потому что они отвечали несравненно грубее: “Русская собака, свободы надо?” (Наталья Позднякова, “Екатеринбург, начало 20-х”). {...} от Лепилиной кузницы, стоявшей на бугре у въезда в село, вливался в Тиханово другой поток торговых гостей {...} Этот живой и темный поток с коровьим мычанием, с поросычьим визгом и звонким гусиным гагаканьем обгоняли торопливые крылатки пугасовских извозчиков; везли они китайцев с белыми корзинами, с пухлыми кожаными саквояжами, набитыми пугачами и пробками, рожками и дудками, разноцветными фонариками, райскими птичками и пронзительно кричащими надувными чертиками: “Уйди! Уйди! Уйди! Уйди!” – Ходя, соли надо? – роняли китайцам с возов. – Шибакo гулупый... тебе, цхо! – отвечали китайцы, обнажая крупные желтые зубы, и сердито плевали под колеса (Борис Можаяев, “Мужики и бабы”). Одни кричали мне: “Чин-чин-чайнамен!” и требовали, чтобы я постирал им одежду. Другие почему-то спрашивали меня: “Ходя, соли надо?”, хотя ни в какой соли я не нуждаюсь (НКРЯ: Михаил Успенский, “Там, где нас нет”). Оказывается, в конце прошлого века в Кыштым приезжали китайцы. В основном – из Шанхая. Торговали шелковыми платками, куклами, яблоками. (Кстати, до китайцев в Кыштыме яблоки не росли). На вырученные деньги китайцы покупали соль. Их дразнили: “Ходя-ходя, соли надо”. Дразнилку сочинили, глядя на китайянок, обутых в деревянные сандалии и передвигавшихся мелкими шажками⁷. Эти примеры ясно показывают, что и дразнилка, и этноним возникли в контексте китайско-российского торгового обмена, в котором важным товаром с российской стороны была соль⁸.

Итак, что можно сказать о происхождении слова *ходя*? В этимологический словарь Фасмера оно не включено. Единственное известное мне объяснение принадлежит Стивену Вурму, который выводит слово маньчжурского русско-китайского пиджина *khodya* ‘китаец’ из китайского *hé jiā* ‘together with family’, срв. 合家 *hé-jīā* ‘вся семья; всей семьей’ (БКРС 2, 452)⁹. В свете имеющихся у меня данных, мне кажется более правдоподобным другое объяснение. Кроме приведенного выше текста Виктора Рискина, у меня есть еще три свидетельства, показывающие, что для носителей русского языка слово *ходя* оказывается связанным по народной этимологии с гнездом глагола *ходить*. В своем анализе бабелевского рассказа “Ходя” С.И. Воложин пишет: *Этот*

жалкий *доходяга* (*ходя?*), видно, хочет что-то от Глафиры¹⁰. У других авторов: *Точильщики входили во двор и призывали: "Ножи-ножницы точи-и-ть!" Иногда забредали и ходячие сапожники-китайцы, которых называли "ходя". Они были очень бедные, несчастные, оказавшиеся на обочине жизни люди. Их было очень много в нашем городе* (Р.А. Бриллиантова, "Мой Новосибирск. Книга воспоминаний"). *Они [наемники-китайцы] были карателями-палачами – в городе их все звали "ходя-ходя", потому что, неся конвойную службу, они при следовании арестованных горожан торопили их прикладами винтовок, покрикивая при этом "ходя-ходя", что означало "ходи-ходи"* (Б.В. Сенников, "Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг.").

Особый интерес представляет последний пример, не только потому, что в нем редуцированное слово *ходя* произносится не русскими, а китайцами, но и из-за его функции: здесь это то ли императив, то ли наречие, но никак не существительное. Летом 2006 г. во время путешествия по Китаю мне дважды пришлось услышать китайцев, кричащих *ходя-ходя*. Взвод солдат тренировался на горе Хуаншань. Пока они бежали сначала в гору, а потом с горы, сержант хронометрировал и понукал их криками *ходя-ходя*. Несколько дней позже на вокзале большого города зазывалы, предлагающие свои услуги приезжающим, встречали каждый поезд криками, среди которых, кроме прочего, явственно слышалось и *ходя-ходя*. Общий смысл этих призывов был ясен: потенциальных покупателей настойчиво приглашали скорее определиться. Во всех трех ситуациях *ходя-ходя* можно перевести на русский язык как 'давай, давай'.

С помощью моих коллег из Университета Калгари Сяоцзе Янг (X. Jie Yang) и Вэй Цай (Wei Cai), которым высказываю сердечную благодарность за консультации, удалось идентифицировать источник русск. *ходя*: 快黑兒 (в сокращенном написании 快点儿) *kuài diǎnr* 'поскорее!' (БКРС 3, 688), см. 快 *kuài* 'скорый, быстрый; скоро, вскоре' (БКРС 3, 688) и 黑兒 *diǎnr* – суффикс уменьшительной и сравнительной степени прилагательного и наречия (БКРС 2, 481). Итак, по моему мнению, русский этноним происходит от слов *kuài diǎnr*, часто употребляемых китайскими торговыми партнерами россиян. В отличие от многих других китайских слов, россияне могли запомнить это выражение (по сходству с гнездом глагола *ходить*) и воспроизвести. Мотивация этнонима: 'тот / те, кто все время говорит *ходя*' > 'китаец, китайцы'.

Обозначение групп населения по особенностям их речи широко практикуется во всем мире. Так, например, в языке российских фарцовщиков есть слово *алóрец* ‘итальянец’¹¹, т.е. человек, который все время говорит *allora!* ‘ну!’. Максим Младенов собрал и анализировал многочисленные болгарские диалектные термины с похожей мотивацией: *бакаджии, вáйковци, рéковци* – носители диалектов, в которых есть звательные частицы *ба, ва* и, соответственно, *ре; кекáла, жéкуу́чене* – носители диалектов, в которых будущее время образуется с помощью частиц *ке* или *же; нин’овци* – носители диалекта, в котором используется наречие *нине* ‘сейчас’ и т.д.¹² Аромун в Болгарии и Сербии называют *цинцари*, потому что, в отличие от других румын, они говорят *цину* ‘пять’, а не *чинч* (*cinci*). Поляков в России называют *пшеками* по необычному, с русской точки зрения, произношению префикса *пре-* (*prze-*).

Похожим образом возник и болгарский этноним *братушка* ‘русский’¹³, т.е. человек, который использует в своей речи слово *братушка*. Писатель Тодор Влайков ясно показывает в своих мемуарах механизм возникновения этнонима в процессе общения русских и болгар во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: *Наизлезли са от махалата жени и със светнали лица подават на русите хляб и разни неща за ядене. Лиловата механа е отворена и оттам изнасят половници и големи чаши с вино. А русите отвред все: “Спасибо, **братушка!** Здравствуй, **братушка!**” – и усмихнато и със задоволство поемат предлаганите им неща. А, слушам, и нашите хора, и те се обръщат към тях с “**братушка**”: “Заповядай, **братушка!** Вземи и това, **братушка!**” И повтарят все и те: “Здравствуй, **братушка**. Здравствуй, **братушка!**...”* (Тодор Г. Влайков. “Преживяното”). Список примеров этнонимов похожей мотивации можно легко продолжить.

То, что редуплицированное выражение *ходя-ходя*, вне зависимости от значения, по мнению россиян, верно изображает китайскую речь вообще, подтверждается таким заголовком газетной статьи: “*Ходя-ходя, куня-куня...*”, – *безутешно лопотал юноша-китаец, когда неизвестно куда ведущая тропинка вывела его на лед реки, где он и повстречался с нарядом российских пограничников* (Интернет-версия газеты “Владивосток”, № 1104, 16.01.2002).

Среди моих материалов есть и два однотипных примера употребления слова *ходя*, которые заслуживают специального внимания. Оба примера встречаются у одного и того же автора, описы-

вающего события, в которых он участвовал на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. Вот один из них: *⟨...⟩ все же они [китайцы], кажется, добродушно относятся к русским, влезают в вагон к солдатам, шутят с ними, подходят к нам, треплют по плечу, говоря: “Ходя шанго”, то есть друг хороший; все им отвечают тем же. Подходят ко мне, берут меня за руку и говорят, что я им “шибко шанго”, то есть очень нравлюсь, берут в руки крест и опять “шанго” и, чтобы сделать мне удовольствие, крестятся!* (Митрофан Сребрянский, “Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке”). Согласно этому источнику, в 1904–1905 гг. китайцы употребляли в общении с русскими слово *ходя* в значении ‘друг’.

Я думаю, что это словоупотребление отражает стадию вторичной реинтерпретации языковых элементов в условиях межнационального общения в отсутствии двуязычия. Ей должны предшествовать две другие стадии. Сначала группы А и Б говорят каждая на своем языке. Потом какой-то элемент речи группы А – (α) – привлекает внимание членов группы Б, и они не только понимают его по-своему, но и начинают употреблять его в соответствии со своим пониманием в общении с членами группы А ((α)β). Вот тут-то и может наступить стадия вторичной реинтерпретации этого элемента, уже членами группы А, которые, возможно, уже не узнают в нем свое слово, а считают его частью языка группы Б: (((α)β)α).

Предполагаемые стадии эволюции: (α) – *kuài diǎnr* ‘поскорее!’; ((α)β) – *ходя* ‘китаец; китайцы; азиат; что-либо китайское’ – (((α)β)α) *ходя* ‘друг’. Если это объяснение соответствует действительности, свидетельство Митрофана Сребрянского позволяет достоверно отнести первые употребления *ходя* ‘китаец’ к периоду, предшествующему 1904–1905 гг., и ясно показывает, что не только семантика слова, но и его коннотация со временем менялись.

Реконструированная здесь социолингвистическая ситуация должна быть достаточно распространенной. Вот что пишет журналист Александр Тарасов: *Первым естественным опытом практического китайского для русских стало обращение к китайским продавщицам. В России тогда их вне зависимости от возраста называли “девушка”. Русские поэтому интересовались, как по-китайски будет “девушка” – им отвечали: “гуньян”. Так же, как в 1930-х китайцы русскую “работу” переименовывали в “лабаодай”, в 1990-х китайская “гуньян” в русской*

речи превратилась в “куня”. Продавицы и горничные, которых вообще-то правильно называть “фувуюань”, первое время не понимали, но русские были настойчивы, и китайки начали откликаться. Потом китайцы и сами начали употреблять в разговоре с русскими это искаженное слово. В любой гостинице к русским водителям подойдет китаец с вопросом: “Куня надо?”¹⁴. Учитывая присутствие слова *kinia*, *kin'ka* ‘девушка’ в маньчжурском русско-китайском пиджине¹⁵, возникновение слова *куня* вряд ли можно отнести к 1990-м годам, но сама модель общения, при которой слово подвергается последовательным реинтерпретациям, звучит правдоподобно.

Типологическую параллель к набору употреблений русск. *ходя* предоставляет слово *шурум-бурум*, если принять версию Святослава Логинова и Андрея Легостаева о его происхождении: *Странное и на первый взгляд бессмысленное сочетание звуков означает мелкое шебуриание, суетливые попытки повернуть какое-нибудь дельце, завести свой маленький бизнес. “Халат! Халат! Шурум-бурум!” – кричали лет сто назад на улицах российских городов татары-старьевщики. И если первое слово татарское и означает “одежда”, то таинственное “шурум-бурум” это всего лишь искаженное русское “старье берет!”*¹⁶. У Константина Паустовского *шурум-бурум* – кличка одного определенного татарина-старьевщика (К.Г. Паустовский, “Книга о жизни. Далекие годы”). Лишь один шаг отделяет такое прозвище от создания полноценного этнонима **шурум-бурум* ‘татарин’. Если возглас *Старье берет!* является языковым явлением уровня (α), то его вариант *Шурум-бурум!* – это уже явление уровня ((α)β), а кличка татарина *шурум-бурум* (‘человек, который все время говорит *шурум-бурум*’) и значение ‘неразбериха, путаница’ в русском разговорном языке (Фасмер 4, 490) – явления уровня (((α)β)α).

И в заключение следует сказать несколько слов о словообразовательной структуре слова *ходя* и его морфологических особенностях. Большинство этнонимов, образованных по речевым особенностям референтов, оформлены соответствующими суффиксами. Однако в имеющихся у меня материалах у заимствования *ходя* есть лишь два бессуффиксных варианта: несклоняемое редуцированное (и, видимо, более раннее) *ходя-ходя* и *ходя*, чье склонение в единственном и множественном числах подчиняется общим правилам изменения существительных мужского рода типа *батя*. Просматривается прямая зависимость между словообразовательной структурой этнонимов и возможностью их

использовать в качестве обращения. Этой зависимостью необходимо заняться отдельно на более обширном материале.

Очерченный здесь спектр значений русского слова *ходя* и механизм его возникновения из китайского *kuài diǎnr* показывают, что заимствования, возникшие в условиях непосредственного межнационального общения в отсутствие билингвизма, характеризуются менее предсказуемой диахронической семантикой, чем исконные слова или заимствования, являющиеся продуктом языкового контакта или культурного взаимодействия.

Принятые сокращения

БКРС Ошанин И.М. и др. Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах. М.: Наука, 1983–1984.

НКРЯ Национальный корпус русского языка (www.ruscorgora.ru)

Примечания

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 2001, 865.

² Например, в дискуссии от 22 февраля 2007 г. носительница русского языка из Западной Сибири признается на форуме сайта компании АВВУУ, производящей электронные словари, что никогда не слышала слова *ходя* ‘китайский торговец’, а лингвист В.И. Беликов заявляет, что «*ходя* ‘торговец’ – это скорее для Европейской России и “ближней” Сибири. В Забайкалье были ходи-старатели, в Приморье – огородники, землекопы и прочее. Так что там *ходя*, скорее, любой китаец. Но уж больно давно выселили китайцев, так что слово знать могут только люди 1920-х годов рождения, более молодые – понаслышке. (...) К “новым” китайцам *ходя*, кажется, не применяется. Занятно, что стандартное в русско-китайском пиджине начала XX в. китайское обращение к русскому мужчине *капитана* сейчас возродилось. Но это результат “неполного вымирания” старого пиджина среди китайцев Маньчжурии. *Ходя* в “новый пиджин” вряд ли мог попасть» (forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=30587&pg=2).

³ Опубликовано в: Прокопьев С. Швейцария на полкровати. Омск, 2002.

⁴ Синтаксис № 28, Париж, 1990.

⁵ Русские пиджины изучаются уже более 180 лет, ср. в последнее время: Шпринцин А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. Вып. VI. М., 1968, 86–100; Хелимский Е.А. “Русский говорка место казать будем” (Таймырский пиджин) // Возникновение и функционирование контактных языков. Материалы рабочего совещания / Ред. И.Ф. Вардуль, В.И. Беликов. М., 1987, 84–93; Wurm Stephen A. Some contact languages and pidgin and creole languages in the Siberian region // Language Sciences 14/3, 1992, 249–285; Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии. Социолингвистический аспект. М., 1997, 90–108; Stern Dieter. Russische

- Pidgins // *Die Welt der Slaven* 47/1, 2002, 1–30; *Stern Dieter*. Taimyr Pidgin Russian (Govorka) // *Russian Linguistics* 29/3, 2005, 289–318; *Перехвальская Е.В.* Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2006. Джоанна Никольс анализирует, как межэтническая коммуникация изображается в художественной литературе: *Nichols J.* Pidginization and foreigner talk: Chinese pidgin Russian // E.C. Traugott, R. Labrum and S. Shepherd (eds.). *Papers from the 4th International Conference on Historical Linguistics*. Amsterdam, Benjamins, 1980, 397–407; *Nichols J.* Stereotyping interethnic communication: the Siberian native in Soviet literature // G.Diment and Yu. Slezkine (eds.) *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York, St. Martin's Press, 1993, 185–214. Языковые трудности русско-китайского общения привели к широкому использованию китайской атрибутики в качестве знака непонимания: *Пчелинцева К.Ф.* Китай и китайцы в русской прозе 20-х – 30-х годов как символ всеобщего культурного непонимания // *Путь Востока*. Универсализм и партикуляризм в культуре. Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия "Symposium". Вып. 34. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005, 162–173.
- ⁶ Она приводится разными источниками, см., например: *Тарасов А.* Такой кофда лазны еси // *Эксперт Сибирь* № 41 (183), 5 ноября 2007.
- ⁷ *Рискин В.* Шанхайские нравы // *Челябинский рабочий*, 29 декабря 1998.
- ⁸ Об организации производства соли в Китае и торговле ею с XVII до начала XX века см.: *Chiang Tao-Chang*. The Salt Trade in Ch'ing China // *Modern Asian Studies*, 17/2, 1983, 197–219.
- ⁹ *Wurm S.A.* Op. cit., 265.
- ¹⁰ Полный текст анализа можно найти на сайте www.magister.msk.ru/library/publicat/volozhin/babele2.htm
- ¹¹ *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга. Сленговые слова и выражения 60–90-х годов. Под ред. А.Н. Баранова. М.: Метатекст, 1997, 24.
- ¹² *Младенов М.* Сл. Названия и прозвища на групи българско население (образувани по техни говорни особености) // *Известия на Института за български език*. 1965, 12, 199–222.
- ¹³ См. *братушка* 'сърдечно именуване и обръщение към руски войник, руски човек' (БТР⁴ 74).
- ¹⁴ *Тарасов А.* Трудный русский, легкий китайский // *Эксперт Сибирь* № 41 (183), 5 ноября 2007.
- ¹⁵ См.: *Wurm S.A.* Op. cit., 265. Стивен Вурм записывал свои материалы среди людей, эмигрировавших в 1940-х и 1950-х годах из Маньчжурии в Австралию.
- ¹⁶ *Логинов С., Легостаев А.* Тысяча и одна идиома // private.peterlink.ru/legostay/e-020.html